ЗЫКОВЬЕВ

О

СВРЕДНЯКЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН131
0129

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г. ЗИНОВЬЕВ
Л. КАМЕНЕВ

ЕМ131
О 129

О СЕРЕДНЯКЕ

(МАТЕРИАЛЫ)

1926
ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ и Л. КАМЕНЕВ.

ЕН 131
0 129

О СЕРЕДНЯКЕ

(МАТЕРИАЛЫ)

1 ЭКЗ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1925

К.

ЕМ131
О 129

Библиотека
Института Ленина
при ЦК РКП. (б.)
(20/26)
1057907
1.

Ленинградский Гублит № 4655 Тираж 10125.—4 л. Зак. № 391.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вопрос о середняке — центральной фигуре нашего земледелия — есть одна из основных проблем революции. Поэтому всякое, даже самое незначительное отклонение от ленинской постановки вопроса об отношении рабочего класса к среднему крестьянству неизбежно должно повести к тяжелым политическим ошибкам. Между тем, за последнее время в партийной печати, в более или менее открытой форме, мы находим немеки на то, что отдельные вожди нашей партии, или даже целые организации, якобы не дооценивают середняка. Цель настоящего сборника дать вдумчивому партийцу возможность добросовестно разобраться в том, основательны ли эти намеки.

В настоящий сборник вошли отрывки из важнейших речей и статей по вопросу о середняке т.т. Зиновьева и Каменева, за период после XIII с'езда РКП (б). Вместо введения приводим отрывок из доклада В. И. Ленина — «О работе в деревне на VIII с'езде партии», являющегося основной директивой по этому вопросу на весь период диктатуры пролетариата.

Из речи тов. Ленина на VIII с'езде РКП (б).

(23/III—1919 года).

(О работе в деревне).

Необходимо определить отношение к классу, который не имеет определенного устойчивого положения. Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма: определить отношения между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что это такой класс, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплоатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплоатацию помещиков и капиталистов, он вынес все и в то же время он — собственник.

Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности. Основываясь на нашем более чем годичном опыте, на нашей более чем полугодовой пролетарской работе в деревне, на том, что уже произошло классовое расслоение деревни, мы больше всего должны остерегаться здесь торопливости, неумелой теоретичности, претензии счесть готовым то, что нами вырабатывается, чего мы еще не выработали . . .

. . . . . .

. . .Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплоататоров, победить их и низвергнуть, — задача, которую мы ставили раньше. Нет, по мере того, как мы эту главную задачу решили, на очередь становятся задачи более сложные. Тут насилием ничего не создашь. Насилие

по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это — слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где он нигде не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом, — никто, ни один из самых революционных социалистов, никогда не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству.

Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача — борьба с помещиками. Но до сих пор у них осталось предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: «Если крупное хозяйство, значит я опять батрак». Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминания о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло.

Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. Действовать здесь насилием значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и неинтеллигентских склок, и, расплевавшись, раз'ехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку и совершенно законно.

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянина. А до тех пор мы — учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они услы-

шали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать, — когда такие люди считают себя во всем учителями крестьян. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина.

Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянства, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили . . .

. . . . . .

. . . Мы последовательнейшим образом развиваем наши задачи. Нам необходимо от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачу устроения жизни среднего крестьянства. Мы должны с ним жить в мире. Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен вопрос.

(Собр. соч., т. XVI, стр. 146—7, 150—1, 153—4).

Г. ЗИНОВЬЕВ

Из речи на XIII с'езде РКП (б) в мае 1924 года.

(«Мы не должны быть только партией города»).

...Я думаю, что пришло время, когда нам надо различать: кулака в прежнем смысле слова и деревенского нэпмана, растущего воочию. Раньше часто, вы помните, почти каждого зажиточного крестьянина называли кулаком. Владимир Ильич учил нас различать его в зависимости от губернии, в зависимости от места, в зависимости от обстоятельств и времени: в Сибири такой-то крестьянин—не кулак, а в центральной России он — кулак. Тем более осторожно нужно подходить сейчас. В деревне растет простой нэпман-ростовщик, лавочник, самогонщик, оптовик, там растет тот нэпман, на которого мы будем всячески нажимать. Это совсем не значит, что мы будем на всех сыто живущих и исправно ведущих свое хозяйство нажимать. Дело совсем не в том, чтобы во что бы то ни стало нажимать на «кулака» до бесчувствия, а дело в том, чтобы поддержать середняка, чтоб поддержать бедняка. Мы частично освобождаем бедняка от налога, но этого мало. Бедняк в кооперации чувствует пока малую поддержку, но в том случае, если партия поставит себе сознательную задачу поддержать середняка и бедняка в кооперации, и в кредитовании, и во всем остальном, тогда мы получим другие результаты. Нечего скрывать от себя: мы имеем сейчас такое положение, когда бедняк и середняк часто нами недовольны. Я по этому поводу имею ряд материалов, и в частности, имею интересное письмо от тов. Сенцова из Иркутска. Я лично тов. Сенцова не знаю. Он писал мне из Иркутска о том, что он видел в сибирской деревне, а он правильно подметил многое.

«В деревне, — пишет тов. Сенцов, — идет стремительная дифференциация хозяйства, а следовательно перегруппировка сил «за» и «против революции».

1. Рельефно вырастает и выделяется тип дореволюционного кулака, с запасом хлеба, с десятком голов скота, с навыком и смекалкой ростовщичества, тип кулака, быстро восстанавливающего свое влияние в деревне.

2. Крепнет и середняк, у которого повышается потребность активного участия в хозяйственных, общественных и политических делах.

3. Происходит быстрая пауперизация деревенской бедноты, стремительно увязающей в хозяйственной, а следовательно и политической зависимости от кулаков и середняков. Политическая активность бедноты, не получающей реальной поддержки партии и власти, принижается.

4. Наемное батрачество забито; больших трудов стоит втащить батрака в союз Всеработземлеса; кулак-хозяин не желает иметь работника, состоящего в профсоюзе, и гонит его со службы.

5. Партийные ячейки, воспитанные в борьбе с кулачеством и в партизанских отрядах, не могут взять в свои руки верховодства усложняющейся деревенской жизнью в вопросах о кооперации, сельском хозяйстве и советской работе, и опытные кулаки «обскакивают» наших партийных товарищей».

«Мне пришлось, — продолжает тов. Сенцов, — инкогнито присутствовать на нескольких совместных собраниях ячеек с беспартийными крестьянами в Тулунском уезде.

Обсуждается вопрос кредитной кооперации.

Активно выступает докладчик укома РКП; активно участвуют в прениях кулаки и середняки; помалкивают коммунисты и деревенская беднота.

В общем крестьяне одобряют партию и власть, но только в центре, в губернии, даже в уезде, а не у себя, в деревне. При обсуждении состава правления общий лейт-мотив таков: «нельзя доверять руководство неопытному и бедному коммунисту; наоборот, надо выбирать работавших ранее и богатых крестьян».

Вот вам картинка из сибирской деревни.

Книжка беспартийного Большакова, с которым я лично беседовал, описывает волость в Тверской губернии (совершенно другая часть России). И он приходит к тем же выводам. Он говорит:

«Политика в деревне не ясна. Бедняцкий угол молча чешет в затылке, середняки недоумевают, не зная хвалить или хаять Советскую власть, а из зажиточного, и я скажу — из зажиточно-кулацкого угла — оттуда нет-нет да и услышишь похвалу существующему режиму».

Это не очень ласкает слух; наверняка белогвардейцы подхватят эту цитату. Пусть. Мы дело поправим. Но нечего создавать себе иллюзий; надо видеть то, что есть. Важнейшая наша задача была — поднять сельское хозяйство. Мы должны были держать курс на мужика — исправного хозяина. Эта задача остается. И сейчас важно не столько ущемление кулака, сколько энергичная поддержка бедняков и лучшей части середняков, чтобы дать им возможность поднимать свое хозяйство. Иначе мы будем получать то, что вы видите: бедняк чешет затылок, а кулак нет-нет да и похвалит.

(«Политический отчет ЦК XIII с'езду РКП, стр. 59—61. Москва. «Красная Новь» 1924 г.).

Из речи на с'езде рабкоров «Правды» 5 декабря 1924 года.

Совсем недавно я получил письмо одного селькора Иваново-Вознесенской губ., Кинешемского уезда, Журихинской волости, в 42 верстах от Иваново-Вознесенска. Товарищ рассказывает, как два года тому назад был убит первый селькор тов. Иовлев, и он указывает, как неустанной героической работой селькоры почистили свою волость и как она преобразовалась. Я прочитаю этот отрывок.

«У нас в 1922 году убили лучшего селькора Иовлева, но нас не устрашило это. Мы растем и крепнем, как говорится в деревне, как сталь, и имеем теперь уже бюро селькоров в нашей волости. Все, что зависит от нас, мы делаем, и укрепляем заветы Ильича. Но только мы очень много видим и слышим плохого со стороны прорвавшихся к власти него-

дяев; но мы скоро их вышибаем. Эти негодяи нас не любят. У нас в Журихинской волости было много заводчиков, которые при старом строе жили между нами, как цари, отчего наш народ так и темен. Случилась революция. У нас в 1918 году было много подлостей. Все они теперь изжиты. Наша Журихинская волость была страшна раньше всем ответственным работникам, много было убийств и т. д., много было в ней подрыва Советской власти, а теперь мы вышли на дорогу, — все бедняки и середняки за нас. Мы имеем большое доверие к ним и они — к нам. Все они уверены, что рабоче-крестьянское правительство есть самое наилучшее для нас, но только много в нем примазавшихся волков в овечьих шкурах».

Два года назад ответственные работники не могли показаться на улице, а вот неустанным трудом новой группы селькоров удалось всю волость почистить, об'единить бедняка и середняка. В то время, как в Дымовке темные силы раз'единили бедняка и середняка, оттолкнули совершенно середняка от низов, — в это время мы видим волость, где не только бедняки, но середняки об'единились вокруг нашего знамени.

(«Новый Великий Почин», Ленгиз 1925 г., стр. 16—17).

Из ст. «Пролетариат и крестьянство».

(Что означает лозунг «лицом к деревне»).

Новая деревня экономически крепнет. Посевные площади растут. Отдельные районы (например, Украина) уже почти целиком подошли к уровню 1916 года. Да и в целом по всему СССР посевная площадь достигла уже 87% довоенной.

Быстрый рост сельско-хозяйственных, технических и рыночных культур стоит вне всякого сомнения. Скотоводство вот-вот достигнет уровня 1916 года. Даже неурожай 1924 года не остановил, а только замедлил темп роста сельского хозяйства. Деревня начинает питаться все более и более удовлетворительно. Деревня потребляла калорий в день на одного взрослого едока: в 1919—1920 г. — 3.594, в 1920—1921 г. — 3.387, в 1921—1922 г. — 3.053, в 1922—1923 г. — 3.819, в 1923—1924 г. — 4.040. Количество безлошадных

хозяйств падает, количество хозяйств с одной лошадью и с двумя лошадьми медленно, но все же растет.

Словом, новая деревня экономически поднимается. Если темп развития будет такой же, как до сих пор, — а может быть, он будет даже возрастать, — то перспективы под'ема сельского хозяйства поистине грандиозны.

Количество беспосевных хозяйств, маломощных — убывает, а середняцкие хозяйства растут. Численно выросла середняцкая группа. Это подтверждают все цифровые данные за 1924 год.

«Лицом к деревне»—это не значит лицом только к середняку, но это, во всяком случае, значит лицом **и** к середняку, лицом **и** к середняку, в о ч т о б ы т о н и с т а л о. Октябрьская революция проходила под лозунгом власть рабочих и б е д н е й ш и х крестьян. Но это не значит, что «беднейшие» крестьяне так навсегда и хотят остаться беднейшими. И, разумеется, наша задача тоже ни в коем случае не заключается в том, чтобы оставить их навсегда в числе беднейших. Крайние два полюса деревни несомненно растут. Пока что местами растет и набирается сил кулак. Борьбу против него, в особенности в области экономической, нам придется в свое время организовать более систематически, чем это было до сих пор. Эта борьба против кулака при неблагоприятных для нас условиях может даже заполнить собою авансцену политической борьбы в деревне в течение р я д а л е т. Но именно для того, чтобы мы могли успешно повести борьбу против кулака, нам надо, во что бы то ни стало, побороть существующую тенденцию об'являть кулаком всякого сколько-нибудь исправного крестьянина, поднимающего свое хозяйство и имеющего тенденцию кое-что накоплять в своем хозяйстве. Надо помнить, что середняк это — громадное большинство деревни, и что само это середняцкое большинство на деле еще очень бедно хозяйством.

«Теоретически мы сошлись на том, что средний крестьянин не наш враг, что он требует особого отношения, что здесь дело будет меняться в зависимости от многочисленных привходящих моментов революции», — так говорил тов. Ленин на VIII с'езде нашей партии. (Том XVI, стр. 99).

«Принципиально это отношение было ясно для нас и перед началом революции. Задача нейтрализации крестьянства

была поставлена нами. На одном московском собрании, где приходилось ставить вопрос об отношении к мелкобуржуазным партиям, я привел точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось. Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопросов, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство... У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянству, а он материалист, практик и требует конкретных материальных благ, которых мы сейчас дать не можем и без которых страна должна обходиться, быть может, еще месяцы тяжелой борьбы, обещающей теперь полную победу. Но мы можем многое сделать в нашей административной практике, улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем и должны выравнять и выправить линию нашей партии, которая недостаточно шла на союз, на соглашение со средним крестьянством». (Там же, стр. 107—108).

Так говорил тов. Ленин еще в 1919 году. Тем более необходим нам союз, соглашение с средним крестьянством теперь. Мы можем выравнять середняцкий фронт, мы можем в течение нескольких лет добиться того, чтобы этот крестьянин-середняк был столь же доволен и стал в известном смысле почти такой же крепкой опорой Советской власти, как средний беспартийный рабочий теперь. Можем и должны.

(«Правда» 13 января 1925 г., № 10).

Из речи на Ленинградской Губпартконференции.

26 января 1925 г.

...Нет сомнения, мы доберемся и до кулака, когда это будет нужно. Сейчас у нас середняк часто еще похож на бедняка. У нас положение такое, что к нему на местах бывают иногда слишком строги. Бывают факты, когда наш се-

редняк не хочет употребить весь навоз на удобрение, потому что, — говорит себе, — не знаю, будет ли эта земля у меня и впредь, да как взглянут на меня, если я оправлюсь хозяйственно. Иногда так и бывает: если он мало-мальски оправился, то его чуть ли не лишают избирательных прав.

...Не нужно бояться того, что середняк будет сытно есть; если он сыт, — это еще не значит, что он кулак. Нужно различать, нужно дифференцировать, как учил Владимир Ильич. Конечно, надо всячески обрезывать кулака, но не задевать при этом подлинного середняка, с которым нам нужен союз. И нужно, прежде всего, всеми силами помочь бедняку, помочь всесторонне, так, чтобы он мог стать на ноги, чтобы он мог наладить свое хозяйство. Надо помочь и батраку. Надо об'единить всю деревню против кулака.

...Вторая перестраховка касается основной идеи ленинизма, идеи союза рабочих и крестьян, или смычки с крестьянами, и выражается в лозунге «лицом к деревне». Эта перестраховка необходима в целом ряде областей. Оживление Советов, оживление кооперации, хорошая народная школа, политика дешевых цен, тракторизация, крестьянская газета и проч., и проч. — все это, вместе взятое, составляет основу политики рабочего класса в крестьянской стране на восьмом году пролетарской диктатуры. Вся наша политика должна вестись так, чтобы она перестраховала еще раз основную идею Ильича — союз рабочего класса с крестьянством. Этот союз прошел ряд этапов. В начале революции, в октябре, мы имели за собой почти всю поголовно-крестьянскую массу. Потом имели бедняков и только часть середняков; ко времени сибирского восстания мы потеряли очень большие слои крестьянства, а затем, в начале НЭП'а, стали его к себе возвращать. Вот почему не следует думать, что идея НЭП'а, провозглашенная тов. Лениным, страхует навсегда. Нет, ясно, что надо перезастраховывать себя в зависимости от обстановки. Сейчас обстановка такова, что надо перестраховать идею союза рабочих и крестьян в хозяйственной области, где наши цели и система выражены в лозунге «лицом к деревне».

(«О необходимости трех „перестраховок“». Изд. «Прибой», 1925 г., стр. 30—31; 41).

1057907

Из речи на соединенном заседании красноармейских конференций в Ленинграде 12 апреля 1925 г.

...Советская власть ясно видит необходимость пересмотра целого ряда законов — и о налогах, и о землеустройстве, и об аренде, и о кустарях в деревне и о найме батраков; всюду Советская власть ищет новую и верную дорогу к крестьянскому благополучию. Мы думаем, что нам удастся открыть возможность хозяйственным силам, которые широкой волной поднимаются снизу, развиваться быстрей. В то же время нам необходимо всеми способами обеспечить справедливые интересы бедняка и середняка. Мы обязаны позаботиться о бедняке и середняке, которые остаются полунищими не по своей вине, не потому, что они пьянствуют и лодырничают, не хотят работать, не потому, что они заняты самогоном, а потому, что действительно у них не хватает в хозяйстве необходимых орудий производства, у них нет средств для покупки лошади, семян, чтобы заплатить налоги и т. д. Этим слоям крестьянства Рабоче-Крестьянская власть всячески, сколько хватит сил ее, поможет.

...В деревне начинает расти кулак. Местами он растет быстрей, местами — медленней, но уже появляется, начинает подымать голову. Тут мы страдаем от двух вещей. Часто кулаком об'является тот, кто на самом деле не кулак, а исправный, старательный хозяин, который силится поднять свой клочек земли, который аккуратно платит налоги, который сыт и т. д. Выходит, что честного беспартийного крестьянина зря записывают в кулаки. Здесь совершается большая ошибка, и опасность от этого огромная. Бывает и другая ошибка с нашей стороны, когда мы настоящего, подлинного, всамделишного кулака, который хитро действует, умеет припрятать свои кулацкие доходы и скрыть свои проделки, не можем накрыть, не можем учесть. Каждый из нас знает о таких случаях, когда бедняк, или полунищий середняк, не имея возможности обработать свою землю, как следует, дает лошаденку в пользование на некоторое время более богатому мужику-кулаку; и вот по нашему законодательству иногда получается на местах, что в налогоплатель-

щики попадает не богатый крестьянин, который взял лошадь, а бедняк, которому некуда деваться со своей лошадью, нечем прокормить ее.

(«Рабоче-Крестьянский Союз и Красная Армия». Изд. «Прибой», 1925 г., стр. 25—26).

Из доклада, читанного на фракции РКП (б) 3-го С'езда Советов Союза ССР 20 мая 1925 года.

Итак, классовая борьба в деревне есть и будет продолжаться. Мы должны ее видеть. Мы не будем «нейтральны» в ней. Мы хотим итти с бедняком и середняком, т.-е. с огромным большинством деревни, против кулака. Мы хотим изолировать кулака — но только не чисто административным давлением, а на путях хозяйственных. А «разжигать классовую борьбу» в деревне без оглядки нам сейчас незачем.

Вот эти основные данные о состоянии нашей деревни как раз и забывают любители некстати разжигать классовую борьбу. Классовая борьба в деревне будет итти дальше и дальше. Наша задача заключается в том, чтобы, развязавши до известной степени руки верхушке деревни, экономически развязавши отчасти руки кулаку, в то же время готовить обход его, готовить его политическую изоляцию. Осуществить хозяйственную изоляцию кулака, провести, скажем, хозяйственный бойкот его — сейчас невозможно. Конечно, нуждающийся крестьянин будет ходить к нему за ссудой, батрак будет к нему наниматься. Но политическую изоляцию его мы можем провести. Мы имеем 40% безлошадных, которых Ильич называл «пролетариями», 3—4% кулака, а все остальное, это — середняк. Конечно, это деление условное, можно взять его в другом разрезе: тогда середняка будет больше, бедняка — меньше. Ленин в 1920—1921 году говорил о нивеллировке деревни, говорил, что она становится середняцкой, что она стрижется под одну гребенку, что она выравнивается. И это верно в общем и теперь.

Наша задача заключается в том, чтобы в деревне ввести не трехугольное деление:

1) кулак, 2) середняк и 3) бедняк, а, по возможности, двухугольное: 1) бедняк и середняк, взятые вместе, 2) кулак — с другой стороны. Вот это будет правильная политическая линия против кулака; и в то же время для развития производительных сил в деревне необходимо в известной степени развязать руки кулаку...

Деревня очень чутка; и нам, пролетарским революционерам, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы узнать настоящую думушку настоящего крестьянина, узнать, «о чем думает середняк-крестьянин, когда ему не спится», и как он воспринимает наши решения и нашу политику. На нашем с'езде мы слышали голоса крестьянства, но нужно иметь в виду, что это голоса наиболее близкого к нам, в полном смысле слова советского крестьянства. Нам необходимо знать, о чем думает вся крестьянская середняцкая масса, и как она относится к нашим начинаниям. Если мы допустим хоть частичную внутреннюю фальшь, если мы не скажем прямо, в чем уступка верхушке деревни, и почему мы ее сделали, крестьянин сразу почувствует это и, действительно, поймет это, как наше заигрывание с зажиточной верхушкой деревни. Он скажет: они (большевики) ищут в деревне наиболее крепкого места, наиболее крепкой доски, на которой они хотят утвердиться. Конечно, наиболее крепкая доска, это — богатые хозяйства деревни, это — кулак. Вот как крестьянин может воспринять это, и горе нам, если он воспримет наши решения в том смысле, что мы хотим опереться на эту крепкую кулацкую доску, что мы строим глазки богатой улице деревни. У нас в нашей политике внутренней фальши не должно быть. Мы должны прямо, открыто сказать середняку: да, есть в наших решениях элементы частичных уступок богатым слоям деревни, но они необходимы для того, чтобы развязать производительные силы деревни, они необходимы в твоих же интересах. Мы не хотим втирать очков бедняцкой и середняцкой массе крестьянства, мы должны говорить с ними, как руководители, как должен говорить пролетарий крестьянину, как должен говорить сознательный рабочий крестьянину, который не хочет фальши. В городе мы вынуждены были частично уступить капиталистам и капита-

листикам и в деревне также нам приходится теперь частично сделать уступки капиталистикам. Для чего мы делаем эти уступки? Для того, чтобы лучше пощупать, чтобы лучше осуществить развитие производительных сил деревни, которое во что бы то ни стало необходимо ради всей массы деревни. Если мы скажем так честно и просто, то крестьянин, чутко прислушивающийся ко всему, что у нас происходит, оценит это и поймет нас и пойдет с нами...

Если в кратких словах выразить — в чем суть новой тактики партии, мы должны сказать: важнейшие черты современного периода заключаются в том, что происходит замедление неизбежно идущей, развивающейся пролетарской революции; происходит рост элементов социалистического хозяйства на решающем промышленном фронте; происходит улучшение на восточном фронте, который решает дело в последнем счете. И в то же время происходят трудности. Мы должны отпереть двери производительным силам нашей деревни. Мы видим опасности, связанные с уступками деревенской верхушке, и берем линию ни в коем случае не на кулака, а на всю деревню.

Если выражаться фигурально, мы должны сказать, что это — курс социалистической промышленности на широкое крестьянское поле.

Если мы это скажем крестьянам, и они увидят, что это правда, наша партия, которая еще слаба в деревне, станет там твердой ногой. Тогда мы завоюем середняка. И, отвоевав середняка на свою сторону, при полном единодушии рабочего класса и стальном единстве РКП (б), мы будем действительно непобедимы.

(«Итоги XIV Всесоюзной Партконференции и III С'езда Советов СССР». Изд. «Московский Рабочий», 1925 г., стр. 25—26; 32—33; 52).

Из речи на конференции частей Ленинградского Военного Округа 21 июня 1925 г.

(«Еще о политике партии в деревне»).

...Мне кажется, товарищи, нам нужно, прежде всего, договориться относительно того, что лозунг «лицом

к деревне» означает «лицом к середняку и бедняку», потому что именно на этот счет существуют еще колебания и неясности.

...Партия должна была сделать сейчас известные уступки богатой деревенской верхушке, держа генеральную линию, конечно, на середняка и бедняка. Она пошла на это не ради прекрасных глаз деревенских богатеев, а ради того же, во имя чего мы делали известные уступки городским нэпманам, ради более быстрого развития производительных сил страны.

...Нужен трезвый и ясный подход — уступку надо назвать уступкой, и этого признания не бояться. Надо прямо сказать крестьянину: да, тут мы вынуждены были уступить кулаку, частной инициативе, как в свое время и нэпману в городе, — но основной курс у нас остается старый, основной курс у нас — на поддержку середняка и бедняка. Тогда он вам сразу поверит.

...Я думаю, товарищи, что самое серьезное и, в сущности говоря, единственное противоядие против таких настроений, которые имеются в Самарской губернии и, вероятно, не в одной только Самарской, которые вы, вероятно, подслушали и среди рядовых красноармейцев, недостаточно полно и ясно усвоивших политику нашей партии, — единственное противоядие не в том, чтобы преподать политику партии в сладеньком виде, а в том, чтобы ясной большевистской постановкой вопроса, — как предлагает резолюция Всесоюзной партконференции, — раз'яснить, что кулак есть кулак, классовая борьба есть классовая борьба, уступка есть уступка, а частичное отступление есть отступление, но все это необходимо для того, чтобы поднять и двинуть крестьянскую телегу и, таким образом, в конечном счете, удовлетворить интересы громадного большинства бедняков и середняков. В этом смысле я и говорю, что лозунг «лицом к деревне» необходимо гораздо яснее, чем до сих пор, истолковать и популяризировать в массах, как лозунг «лицом к бедняку и середняку».

...Пешехонов подходит к самому основному и больному вопросу современности. Он разбирает вопрос о дифференции крестьянства. Он пытается доказать, что марк-

систы в целом оказались неправыми, когда говорили, что крестьянство дифференцируется, что крестьянство распадается на три больших группы: среднюю массу в центре и две крайних — богатую верхушку и пролетаризирующиеся слои — по сторонам. Ссылаясь на нашу советскую и досоветскую статистику, он стремится доказать, что деревня, напротив, все больше и больше нивеллируется и становится средней.

Мне кажется, что Пешехонов бьет нам челом нашим же добром. Я напомню вам, что говорил в 1921 году тов. Ленин. Он указывал, что наша деревня после Октябрьской революции начинает нивеллироваться, выравниваться. В наброске тов. Ленина от 1921 года, опубликованном только на-днях, говорится, что середняк является центральной фигурой нашей деревни[1]). Так оно и есть. После революции, после того, как мы скинули помещика, совершили величайшую земельную революцию в мире, после этого деревня при правильной политике пролетариата бесспорно будет выравниваться, нивеллироваться. Однако, Пешехонов, более или менее правильно констатируя этот факт, хочет взять реванш в том смысле, что вообще классовой борьбы в деревне никогда и не было, и, что в этом наша коренная ошибка, как марксистов.

... Теперь, по мере того, как мы овладеваем не только государственной властью, но и могучими экономическими рычагами жизни страны, дело меняется. Были времена, когда Столыпин делал ставку на кулака, теперь Советская власть делает ставку на бедняка и середняка. Разница, г. Пешехонов, есть. Она заключается вот в чем: при капитализме вся государственная машина, вся государственная власть тоже не была нейтральна, она участвовала в классовой борьбе, в том числе и в классовой борьбе в деревне, но участвовала на стороне одной определенной группы, по одну сторону баррикады, на стороне кулака, а теперь наша дик-

---

[1]) В плане брошюры о продналоге, помещенном в «Большевике» № 7 за 1925 г., имеется следующая запись Владимира Ильича: «Теперь гвоздем, оселком становится (стало) увеличение продуктов (ср. программа РКП). Inde (следовательно — *Г. З.*) ставка на середняка в земледелии. Старательный крестьянин как «центральная фигура» нашего хозяйственного под'ема (стр. 76).

татура тоже не нейтральна. Не наша задача сделать, чтобы и овцы были целы и волки сыты. Мы тоже участвуем в классовой борьбе всей своей мощью, всей силой политической и экономической власти, но мы участвуем по другую сторону баррикады. Мы всю мощь государства бросаем также на чашу весов, но только на другую — середняков и бедняков.

При Столыпине тоже была диктатура, но только диктатура помещика; у нас диктатура пролетариата. Мы свою диктатуру бросаем на чашу весов середняка и бедняка. Мы бедняка хотим поднимать до уровня середняка. Мы хотим создать двухугольное об'единение деревни, т.-е. на одной стороне — середняк и бедняк, на другой стороне — кулак. И мы хотим, в последнем счете, сделать это не на основе личного обогащения, не на основе господствующих пока в деревне мелкобуржуазных форм хозяйства, а на основе социализма. Мы добиваемся своего постепенно, через трактор, через кооперацию, путем поднятия мощи нашей городской промышленности, через предметные уроки преимуществ коллективного хозяйства над единоличным, в течение годов и годов.

...Местами и при недавних вторичных перевыборах в сельсоветы ряды бедняков были смяты, а ряды середняков раз'единены, при чем раз'единены так, что громадный кусок оторвали у нас кулаки, которые повели их за собой. Вот первый опыт этих перевыборов в новой обстановке. Идеален ли он? Конечно, нет, он будит тревогу. Идеальное положение будет тогда, когда ряды кулаков будут смяты, а ряды бедняков будут крепки, когда нам удастся повести за собой 100 проц. середняков, изолировав кулака. Ленин говорил, что социалистическая революция в деревне началась у нас летом 1918 года, когда мы двинули бедноту против кулака. Продолжать социалистическую революцию в деревне летом 1925 года, — значит не скрывать от себя опасностей, идущих от современного кулака.

(«Правда» № 146 от 30 июня 1925 г.).

Из книги «Ленинизм».

Центральной фигурой современной революционной деревни должен быть середняк — говорил Ленин и на VIII с'езде партии, когда впервые был поставлен вопрос об отношении к среднему крестьянству, и в своих законченных работах, и в набросках эпохи перехода к НЭП'у.

Но что такое середняк?

Здесь необходимо сопоставить то, что Ленин говорил на VIII с'езде РКП весною 1919 года и на II Всемирном конгрессе Коминтерна в июле 1920 года.

Выше (см. главу I «Марксизм и ленинизм») мы привели центральное место из резолюции Ленина по крестьянскому вопросу, принятой на II Всемирном конгрессе Коминтерна [1]). Эта резолюция охватывает и страны, в которых пролетариату еще предстоит борьба за власть, и Россию, в которой власть в 1920 году находилась уже в руках пролетариата. В названной резолюции Ленин говорит и о задачах пролетариата в капиталистических странах, и о задачах победоносного пролетариата после завоевания им власти.

Что такое среднее крестьянство? Надо различать ленинское определение «среднего крестьянства» вообще и середняка в России.

О «среднем крестьянстве» вообще Ленин в резолюции II Всемирного конгресса говорит:

«Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на правах собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превратиться в капитал, и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы» [2]).

---

[1]) В указанной первой главе приводятся места из тезисов т. Ленина характеризующие основные группы крестьянства, как союзника пролетариата во всех странах, до и после победы пролетарской революции.

[2]) «2-й конгресс Коминтерна». Стеногр. отчет, стр. 610 — 611.

Вот общее определение среднего крестьянства. Далее, у Ленина следуют примеры того, что такое среднее крестьянство в Германии и во Франции:

«Революционный пролетариат, — продолжает Ленин в той же резолюции, — не может ставить своей задачей, — по крайней мере, для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата (подчеркнуто нами. — **Г. З.**), — привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом. Колебания этого слоя между той и другой силой неизбежны, и в начале новой эпохи преобладающая его тенденция в развитых капиталистических странах будет за буржуазию...» [1]) (подчеркнуто нами. **Г. З.**). «Устойчивою пролетарская власть быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения себе поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства» [2]).

На первых порах, по крайней мере для ближайшего будущего, для начала периода диктатуры пролетариата можно ограничиться нейтрализацией среднего крестьянства. В дальнейшем перед пролетариатом возникают более обширные задачи: привлечь среднее крестьянство к прямому сотрудничеству, к прочному союзу. На VIII с'езде РКП Ленин, говоря уже применительно к России, раз'яснил это с особой подробностью. Чтобы понять Ленина, нужно помнить, что в нашей стране: 1) среди самих середняков есть значительный слой «мелкого крестьянства» и 2) наша страна не принадлежала к числу «развитых» капиталистических стран. Уже в виду этих обстоятельств у нас больше шансов привлечь середняка к союзу, к сотрудничеству.

«Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное

---

[1]) Там же, стр. 611.
[2]) Там же, стр. 615.

внимание должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве» [1]).

И в ленинской резолюции, принятой VIII с'ездом РКП, говорится о том, что политика пролетариата «должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества с средним крестьянством», что нам необходимы «союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством» [2]), что мы должны «изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи» [3]), что вся политика коммунистической партии должна вестись «в духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» [4]) (подчеркнуто везде нами. — **Г. З.**).

Ленин цитирует § 47 партийной программы, где говорится: «по отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства».

Ленин самым настойчивым образом подчеркивает, что «на вопрос о среднем крестьянстве мы должны обратить сугубое и трижды сугубое внимание» [5]).

Эта основная мысль ленинизма красной нитью проходит по всем работам Ленина — вплоть до последней, столь основоположной, работы «О кооперации» (1923 год). Эта мысль — союз, «соглашение пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» — является стержнем всех важнейших решений партии. На ней целиком построены и резолюции XIV партконференции, абсолютно верно определившие дорогу партии на целый период (роль кооперации, оживление Советов, усиление советской демократии, сугубое внимание крупной промышленности и т. д.).

— А каково происхождение середняка в России?

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 146.
[2]) Там же, стр. 159.
[3]) Там же, стр. 160.
[4]) Там же, стр. 161.
[5]) Ленин. Собр. соч., т. XVI. Доклад о партийной программе на VIII с'езде РКП. Стр. 121.

Самое глубокое, что сказано по этому поводу Лениным, по нашему мнению, содержится в его речи, посвященной обоснованию программы РКП на VIII с'езде партии.

Ленин говорил:

«Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, как пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед ступить или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. Чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, что мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах (подчеркнуто нами. — **Г. З.**). Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек (подчеркнуто нами. — **Г. З.**). Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству, — тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: „Зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучаем!“ — это в высшей степени несерьезно» [1]).

Это в высшей степени богатое содержанием определение происхождения середняка дает нам одновременно ключ к позиции ленинизма и 1) в вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, и 2) в во-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Из доклада на VIII с'езде РКП (б) Стр. 115—116.

просе о причинах возникновения НЭП'а, и 3) в вопросе о взглядах ленинизма на государственный капитализм, и 4) в вопросе о классовой борьбе в деревне после взятия власти пролетариатом. Если взять за отправной пункт это ленинское определение происхождения середняка, тогда не трудно будет найти дорогу к правильному определению кулака, а также к правильному определению того, какова должна быть роль пролетариата в деле руководства крестьянством.

(Изд. Ленгиз. 1925 г., стр. 266—270).

Л. КАМЕНЕВ

Некоторые заявления о крестьянстве.
(Из речей и докладов до XIV партконференции).

...Немножко укрепившись экономически, кулачество сейчас же простирает руку и дальше — в политическую область. Тут идет борьба в первую очередь в области захвата низовой кооперации, а иногда и низового советского аппарата со стороны кулацкого элемента, более богатого элемента деревни...

(Из доклада о работе ЦК на пленуме РЛКСМ 18 сентября 1924 г.).

... На почве общего под'ема крестьянского хозяйства растет и будет расти процесс расслоения среди крестьянства, этот процесс еще осложняется теперешним неурожаем и высокими ценами на хлеб.

Мы получаем теперь такую картину: богатое крыло в деревне богатеет во много раз скорее, чем подтягиваются бедняцкие слои деревни. Даже больше того, бедняцкие слои деревни на почве этого расслоения легко становятся в такое положение, что попадают в кабалу, правда, не на почве владения землей, но на почве владения скотом и инвентарем. На этой почве кабальные отношения и процесс расслоения деревни являются неизбежным следствием под'ема крестьянского хозяйства...

(Из доклада в Свердловском Университете 21 сентября 1924 г., «Правда» № 215).

... Улучшение материального положения, экономическое укрепление всего нашего хозяйства сопровождается и не может не сопровождаться ростом нового буржуазного элемента, ростом частного капитала, ростом его прибыли и ростом рас-

слоения в деревне, ростом его экономического влияния, а кое-где и попытками со стороны кулацких элементов крестьянства приобрести политическое влияние. Таким образом происходит противоречивый процесс распределения между элементами социалистического строительства и элементами новой буржуазии, кулачества, посредников и т. д. . .

(Там же).

. . . Управлять такой махиной, правильно регулировать рычаги, во-время открывать и закрывать шлюзы, направлять все эти элементы, среди которых есть элементы социалистические, буржуазные и мелко-буржуазные, в которых диктатура пролетариата сочетается с мелко-буржуазным фундаментом крестьянского хозяйства, становится все труднее и труднее, потому что, чем богаче становится наша страна, чем сложнее все отношения, тем острее взаимоотношения между отдельными группами . . .

(Там же).

. . . Мы с вами все твердо помним, что наша диктатура, диктатура пролетариата, диктатура партии, не может быть удержана, если она не встречает полной поддержки со стороны широких крестьянских масс, со стороны, прежде всего, бедняцких масс крестьянства . . .

(Из доклада об итогах пленума ЦК в Рогожско-Симоновском районе 3 ноября 1924 г.).

. . . Вместе с под'емом крестьянского хозяйства происходит естественный и неизбежный процесс расслоения среди крестьянства. Ибо для нас, марксистов, никогда не может быть сомнения в том, что рост богатства деревни не будет совершаться равномерно, т.-е. чтобы все слои деревни одинаково и равномерно поднимались. Наоборот, мы прекрасно все знаем и предвидим, что общий рост благосостояния села и деревни будет сопровождаться явлениями расслоения, ростом более богатых кулацких элементов . . .

(Там же).

... Нужно отдать себе отчет в том, что происходит в деревне. В деревне сейчас видимо идет процесс собирания хлеба в твердых крепких руках, т.-е. у кулаков. Скупая этот хлеб, мелкие скупщики, те же крестьяне, этот хлеб стараются скрыть в бетонированных закромах.

При этих условиях борьба нам предстоит довольно серьезная, борьба с кулаком из-за хлеба, борьба на экономической почве за удержание заработной платы на определенном уровне, за удержание цен на товары и за то, чтобы на хлебном рынке в феврале, марте, апреле хозяином оказалось бы государство, а не частный скупщик...

(Из отчета ЦК на пленуме МК 5 декабря 1924 г.).

... Мы не были бы марксистами, мы не были бы ленинистами и коммунистами, если бы мы закрывали глаза на то, что процесс материального улучшения деревни есть в то же время процесс ее расслоения, и не даром по закону, открытому Марксом и продолжающему действовать у нас, поскольку у нас имеется товарное и денежное хозяйство, не может деревня подняться без того, чтобы не выделить кулацкий, зажиточный, хозяйственный элемент...

(Из доклада на XIII Губ. Моск. партконференции об итогах годовой работы ЦК РКП (б), стр. 31).

... Мы прекрасно знаем, что никаких принципиальных разногласий между рабочим классом и крестьянством, кроме его богатых верхушек, нет и быть не может...

(Там же, стр. 34).

... Союз рабочих с крестьянством отнюдь не означает семейного счастья без всяких потрясений. Это ведь классовый союз, и тут ГПУ отнюдь не хоронится, и борьба за хлебные цены тоже не хоронится, и борьба за промышленные цены тоже не хоронится.

Этот союз осуществляется в ряде столкновений в тех пунктах, где расходятся непосредственные экономические интересы. Вопрос для пролетариата, который держит в своих руках власть, заключается только в том, чтобы эти столк-

новения, эти трения, неизбежные, раз существуют два класса, чтобы эти столкновения ввести в правильное русло, чтобы эти столкновения не приобретали стихийного характера и чтобы весь свой аппарат построить таким образом, чтобы улавливать настроения крестьянства и в необходимых условиях итти ему навстречу, а в других условиях сказать, что мы этого не можем, и ты должен понять, что пролетарское государство требует того-то и того-то...

(Там же, стр. 51).

... В. И. предупреждал нас от этой опасности, но он указывал и тот путь, который спасает от превращения пролетарской республики в царство мелких хозяйств. Это есть параллельное развитие крупной промышленности. Это — двойной процесс кооперирования крестьянства и установления связи этого крестьянства с развивающейся промышленностью, надо только соблюсти и найти правильные жизненные пропорции...

(Там же, стр. 38).

... Неправильная постановка вопроса — соотношения между крестьянством, рабочим классом и партией — приведет к тому, что все экономические успехи не будут иметь никакого значения, ибо каждый экономический успех может быть повернут и на социалистический путь и на путь капиталистического наклонения...

(Там же).

... Опасность экономического перерождения существует. 22 миллиона крестьянских хозяйств, свободно торгующих продуктами своего производства, неизбежно выделяющие посредника - скупщика, собирающего свой капитал, есть реальная опасность при том положении, что мы допустили товарное денежное хозяйство...

(Там же).

... Если мы это дополним основными факторами, которые здесь должны иметь место, — развитие промышленности, электрификация, постройка тракторов, оказание кредита крестьянству из тех банков, из тех ресурсов, которые находятся под контролем рабочего класса, — когда допол-

нятся эти политические задачи этими экономическими факторами: электрификацией, крупной промышленностью, снабжением товаров по дешевым ценам, тракторами, кредитом, когда мы оживим советы, тогда основной спор всякой социалистической революции — куда пойдет широкая масса крестьянства: за буржуазным методом хозяйствования или за пролетарским — и будет разрешен в нашу пользу. Иначе этого вопроса нельзя решить, как только методом повышения промышленности и методом политического воздействия на крестьянство и оживлением Советов . . .

(Там же).

. . . А ведь каждый шаг, каждое достижение в области промышленности, в области любой из наших командных высот есть шаг по пути все большего нашего преобладания над мелко-буржуазным производством и над рынком.

Распределение, то, что мы называем рыночной стихией, в первую очередь является моментом, подчиненным производству. Каждый шаг по пути развертывания и улучшения производства, каждый шаг по пути электрификации есть шаг постепенного под'ема на такие высоты, которые обусловливают собой наше господство и над процессами распределения, над процессами производства.

. . . Упорядочив наши финансы, денежная реформа, вместе с системой банков, дала в руки пролетарского государства орудие, являющееся последним словом социально-экономической техники монополистического капитализма — централизованный кредит.

Эта новая командная высота, созданная нами почти из ничего, ставит нас в совершенно исключительное положение по отношению к частному рынку, мелко-буржуазному и даже средне-буржуазному миру вообще . . .

(Из доклада: «Наши достижения и наши задачи в области овладения стихией рынка». «Плановое Хозяйство» № 1, стр. 19).

. . . Народное хозяйство СССР уже по тому одному является высшей хозяйственной формой по сравнению с капитализмом, что оно имеет систему кредита, централизован-

ную в руках государства. Эта высшая организационная форма, являющаяся выходом из противоречий современного капитализма и доступная, опять-таки, лишь пролетариату после социалистического переворота, — дает нам все возможности дальнейшего экономического развития. При условии внимательного отношения к нуждам нашего союзника—крестьянства, неуклонно согласуя развертывание нашей промышленности с потребностями и темпом роста нашего сельского хозяйства, опираясь в своей работе регулирования на наши командные высоты и ни на минуту не забывая, что в наших условиях регулировать рыночную стихию это значит — направлять процессы рыночного распределения и мелко-буржуазного производства в такие рамки, в такие формы, при которых судьбы рабоче-крестьянского блока были бы максимально обеспечены, — мы имеем полную возможность развертывать наше хозяйство, неуклонно ведя его в сторону обобществления и не опасаясь за судьбы его даже в том случае, если помощь от западно-европейского пролетариата задержится на годы.

Конечно, если мы распустим вожжи и спустя рукава будем следовать принципу laisser faire, laisser passer (будь что будет), то у нас начнется восстановительный процесс капиталистического хозяйства.

Но это не может произойти и не произойдет, пока пролетариат, опираясь на свой союз с крестьянством, будет оставаться у власти и свою волю к обобществлению хозяйства, к построению социалистического общества, будет претворять в дело регулирования социально экономических отношений всей страны . . .

(Там же).

. . . Скупка хлебов частным торговым капиталом, и, в особенности, кулачеством, делает его политической силой, хозяином положения на хлебном рынке и, что еще хуже того, дает ему возможность стать в позу благодетеля по отношению к крестьянину бедняку . . .

(Там же, стр. 16).

. . . Новая экономическая политика таила в себе опасности именно в стихийности хозяйственных отношений. Опас-

ность заключалась в возможности ухода мелкого производителя и торговца из-под регулирующего влияния государства. Необходимо было внимательно следить, чтоб стихия рыночных отношений не захлестнула пролетарского обобществленного хозяйства...

(Там же).

... Нам с крестьянином жить ни неделю, ни месяц, ни 10 лет, а нам с крестьянином жить все время, пока будет существовать Советская власть, пока не будет установлено развернутое коммунистическое хозяйство. До тех пор нам нужно жить с крестьянином, меняя формы нашего союза, приспособляя свою политику к крестьянским настроениям, к его хозяйственным нуждам и т. д., нужно, чтобы крестьянин нашел в наших Советах то место, где он будет говорить откровенно и открыто, отстаивая..... подлинные действительные, на земле вырастающие требования крестьянских масс и работая вместе с нами над их разрешением...

(«Перед перевыборами Советов». На пленуме МС РК и КД 10 марта 1925 г., стр. 15).

... Как пролетарская партия, мы будем поддерживать бедняков всегда во всем, но совсем не наша задача построить так государство, чтобы бедняки бедняками и оставались. Мы строим пролетарское государство, поднимаем хозяйство не для этого, а для того, чтобы бедняки перестали быть бедняками, чтоб они поднялись выше, чтоб они вышли из того положения забитости, нищеты, некультурности и грязи. В этом и для этого мы им поможем...

(Там же, стр. 13).

... Руководящий пролетариат опирается на крестьянство, без крестьянства или против крестьянства ничего решающего он создать не может, но опять-таки мы должны сказать правду, что мы опираемся на крестьянство, но не на крестьянство вообще. На того крестьянина, который эксплоатирует чужой труд, который уже растет из крестьянина в буржуйчика, на этого крестьянина мы не опираемся и опи-

раться не хотим. Мы хотим опереться на крестьянина трудящегося, на того крестьянина, который сам работает и улучшает свое хозяйство, и на бедняка, но не на такого крестьянина, который хочет вырасти из крестьянина в буржуа, который на крестьянском труде накапливает капитал, чтоб закабалить своего соседа и превратить его в наемного рабочего. Это наш классовый враг, и здесь скрываться нечего. Сказать надо прямо: нас поддерживает середняк и бедняк против этого растущего кулака. Иначе не будет никакой политики...

(Там же).

... Наконец нужно обратить внимание на то, чтобы в деревне создать такие условия, при которых старательный хозяин мог бы укреплять и улучшать свое хозяйство. Исходя из того факта, что хозяйство у него поднялось, не пред'являть ему сейчас же обвинительного акта, не накидывать клеймо кулака, а, наоборот, внимательно следить, как кулак вылупливается из деревни, как он начинает эксплоатировать других, и тут пресекать его действия, но в то же время создать такие условия, при которых накопление средств в середняцком хозяйстве может итти ускоренным темпом, ибо, если крестьянин не накапливает средства, он не может купить нашей продукции, ни керосина, ни сапог, ни ситца, и поэтому он становится стеной, через которую наша промышленность пройти не может...

(Там же, стр. 20).

... Но для регулирования развития производительных сил деревни, мы не имеем иного рычага, как сельско-хозяйственная кооперация...

(Из статьи «Проблема торогового капитала». «Эконом. Жизнь» № 75, 1925 г.).

... Мы сильны именно тем, что всегда смотрели на правду открытыми галазами и должны сказать, поскольку мы ведем политику свободной торговли, крестьянство будет выделять такую буржуазную верхушку, которая, насколько она пользуется неоплаченным трудом, является тем кулацким

элементом, который нам ни союзником, ни помощником быть не может и который является эксплоататором деревенской бедноты и середняка...

(Из доклада Правительства на VII С'езде Советов Моск. губ., стр. 16).

... Мы стоим за полное развитие производительных сил в деревне, за все большее и большее увеличение товарности крестьянского хозяйства, за углубление его хозяйства, за индустриализацию деревни, за то, чтобы деревня повышала уровень своего хозяйства и, наконец, чтобы деревня имела возможность накапливать необходимые ей средства...

(Там же).

...Мы за крестьянское накопление, Советская власть должна стоять на этой точке зрения, но мы за то, чтоб это накопление регулировать. Каким образом регулировать? — Тем аппаратом, который у нас есть. У нас власть социалистическая, в наших руках все запасы промышленных товаров, без которых крестьянам не прожить, в наших руках весь транспорт, — и разве этого нам мало для того, чтобы рабочий класс мог регулировать накопление деревни, мог регулировать развитие производительных сил деревни? Этого достаточно, чтобы налоговая система и кредитная система — это есть самое могучее орудие в наших руках для того, чтобы направлять это накопление, которое будет происходить в сельском хозяйстве не по линии частного накопления и роста частных капиталистов, а по линии социалистической, линии государственной.

Самая худая политика — политика самообмана. Когда мы шли на НЭП, мы сознавали, что НЭП это есть некоторая маленькая завязь, из которой может вырасти буржуазия. И сейчас разворачивание производительных сил в деревне, разворачивание НЭП'а в деревне также может вызвать определенную опасность; задача в том, чтобы ясно сознавая эту опасность, чтобы мы умели регулировать этот неизбежный процесс и направлять его не на колесо частного капитала, а на колесо того государственного капитала, который находится в руках союза рабочих и крестьян. Можем ли мы это

сделать? — Да. Но для того, чтобы это сделать, мы должны прежде всего обратить особое внимание на кооперацию. Не случайно опять-таки вопросы кооперации стоят у нас в порядке дня. Кооперация есть то орудие, при помощи которого мы должны будем эти накопления, находящиеся в крестьянской среде, направлять на колесо нашего государственного капитала, а не частного. И поэтому поддержка кооперации и, в особенности и в частности, с.-х. кооперации, все виды помощи об'единения середняцких и маломощных крестьянских хозяйств против хозяйств богаческих, это есть та первоначальная задача, которая вырисовывается перед нами на том историческом повороте, на котором мы сейчас находимся.

(Там же).

...Вл. Ильич посвятил свои последние статьи именно вопросам кооперации. Он знал, понимал, а мы теперь ощущаем каждой порой своего тела, что именно вопросы кооперации и через кооперацию, вопросы смычки рабочих и крестьян есть решающие. Кто возьмет верх: элементы капиталистические в нашем хозяйстве или элементы социалистические...

(Там же, стр. 19).

... Но то, что мы можем принести Коминтерну в этот момент частной стабилизации, заключается и в том, чтобы всеми мерами укреплять силу нашего государства и, с другой стороны, укреплять его таким образом, чтобы перед европейским и американским пролетариатом явно росли социалистические элементы нашего хозяйства, ибо рост элементов социализма в нашем Союзе есть первая гарантия и первая поддержка общего революционного движения пролетариата во всем мире.

Это социалистическое общество мы начали строить, мы его строим, мы его несомненно построим...

(Из речи на XIV партконференции 27 апреля 1925 г.).

«Из доклада Правительства Всеукраинскому С'езду Советов» 4-го мая 1925 г.

...Мы, как Правительство, не ограничиваемся разговором, что нам нужно повернуться лицом к деревне. Мало повернуться лицом к деревне, нужно наполнить ее конкретным экономическим содержанием.

Те меры, которые я перечислил, они должны доказать крестьянству, что пролетариат и Советская власть не только поворачиваются лицом к крестьянству, но что они несут ему закон, который действительно будет способствовать развитию крестьянского хозяйства, развитию крестьянского накопления и укреплению его социальной мощи.

Мы не закрываем себе глаза, что это будет вызывать в самой деревне разного рода процессы, что на почве развития производительных сил, которые мы должны всячески отстаивать, будет выделяться буржуазная верхушка деревни, что эта буржуазная верхушка в деревне, пользуясь этим поворотом в политике, будет стремиться закабалить себе бедноту.

Мы теперь не настолько слабы, чтобы испугаться этого. Мы должны прямо глядеть в лицо действительности. Мы должны сказать себе, что без развития производительных сил в деревне под Советской властью и нашей промышленностью не будет твердого, крепкого фундамента. Этот фундамент нужно подводить. Но, вместе с тем, мы должны сказать себе, что на почве производительных сил будут расти буржуазные, богаческие элементы.

Что же, будем ли мы их преследовать административными мерами, будем ли мы этот процесс брать в ежовые рукавицы администрирования и запрещения? Нет, эта политика была бы нерациональна, она была бы неправильна. Против этих элементов мы имеем возможность вести борьбу силами об'единенных бедняков и середняков.

Эта сила — об'единение, эта сила — кооперация. Середняк и бедняк должны использовать развитие производительных сил деревни, должны понять, что для них спасение не в том, чтобы производительные силы удержать, а чтобы

их использовать для развития кооперации, сельско-хозяйственной и кредитной кооперации. Сельско-хозяйственная и кредитная кооперация должна отныне, в руках середняка и бедняка, стать орудием поднятия своего хозяйства, поднятия своего хозяйственного и политического значения в деревне. Если середняк научится пользоваться орудием кооперации, которой государство идет на помощь всеми своими средствами, если середняк, при помощи кооперирования, научится пользоваться государственным кредитом, который государство будет открывать все шире и шире, — тогда ему не опасны экономически никакие буржуазные элементы в деревне, тогда он останется хозяином деревни. Не той нищей деревни, которая не может служить базой социалистическому обществу, а той деревни, которая богатеет и потребляет машины, потребляет газеты, увеличивает техническое оборудование и которая нам настоятельно нужна, если мы не хотим, чтобы нас обгонял на этом пути капиталистический мир.

(«Куда и как ведет Советская власть крестьянство». Изд. Гиз. 1925 г., стр. 102—103).

Из доклада на III Всесоюзном С'езде Советов 18 мая 1925 г.

...Если мы спросим себя: что эти два основные положения — развитие производительных сил страны, а затем об'единение масс мелких земледельцев, мелких крестьян в один крупный, мощный хозяйственный союз — кооперацию,—действительно, новость, до которой Советское Правительство и та Коммунистическая парт я, которая поставила нас на определенные посты, додумалась только в 1925 году, то, чтобы ответить на этот вопрос самым коротким образом, я вам скажу, что говорил Владимир Ильич в 1921 году как раз по поводу этих двух вопросов:

«Основное, — чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу; нам надо строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за 3 года не могли переделать и еще за 10 лет не переделаем».

И поэтому, когда кулацкие элементы приходят на сходы и говорят: «большевики задним умом крепки, — когда мы их пошевелили, они стали догадываться, что надо давать дорогу крестьянскому хозяйству», — вы скажите им: в 1921 году, когда ты рта разинуть не мог, т. Ленин говорил, что вся государственная экономика нашего хозяйства должна быть построена применительно к хозяйству середняка. И он тогда же говорил, что старательный крестьянин есть центральная фигура нашего хозяйственного под'ема, т.-е. хозяйственно подниматься, увеличивать мощь нашей страны мы можем только вместе со старательным крестьянином, не против него, не в стороне от него, но вместе с ним. Он — центральная фигура. И обратно: этот старательный крестьянин никогда не поднимет хозяйства, ни в коем случае не явится центральной фигурой страны, если он попытается строить свою экономику вне государственной экономики. Он должен строить ее вместе.

И, об'единяя хозяйственные усилия старательного крестьянина, этой центральной фигуры, с усилиями нашего рабочего класса, который напрягает всю свою силу и поднимает фабрично-заводское производство, — можно добиться того, о чем мечтал т. Ленин.

Тов. Ленин тогда же, в 1921 году, говорил не только о том, что надо середняка уважить, поднять его, вместе с ним строить, а не против него, но он требовал от этого середняка (и поступал, конечно, правильно).

Владимир Ильич писал:

«Все силы на хозяйственный фронт, поднять производительность труда и увеличить количество продуктов. Без выполнения этих задач никакое движение вперед невозможно. Если мы говорим это по отношению к рабочим, то мы должны сказать то же и по отношению крестьянства. С крестьянина государство возьмет определенный налог, но взамен потребует, чтобы по уплате налога он свое хозяйство расширил, зная, что от него больше ничего не возьмут и что у него останется весь излишек для развития хозяйства».

Да, мы не только говорим крестьянину, что мы готовы его поддержать, но вместе с тем, этому крестьянину-серед-

няку говорим словами т. Ленина: «Расширяй свое хозяйство, т.-е. повышай количество продуктов, которое ты вырабатываешь, и веди свое хозяйство так, чтобы эти продукты были все более и более ценными, улучшай и повышай технический уровень своего хозяйства».

Нам могут сказать: позвольте, если старательный крестьянин-середняк начнет улучшать свое хозяйство, расширять его, повышать его технический уровень, не превратится ли он тогда в кулака? Не вытечет ли и тогда из этого расширения хозяйства капитализм, новые капиталистические отношения? А разрешением аренды и наемного труда не дает ли Советская власть этому пауку-кулаку возможность расти на почве расширения своего хозяйства, усиливаться и в области землепользования и в области потребления батрацкого труда?

Это вопрос законный. Вопрос тревожный, но законный. И для того, чтобы прямо и открыто итти по тому пути, на который мы сейчас указываем, нам надо на этот вопрос ответить . . . . . .

. . . . . .

. . . На этот вопрос мы должны сказать прямо, что закон об аренде, о расширении аренды, о кустарях, закон о расширении наемного труда даст возможность кулаку воспользоваться и увеличить свое благосостояние, закрепить свои позиции, но это не повредит развитию социализма ни в коем случае, — при наличии двух условий, из которых одно у нас уже есть и которое мы только должны развивать, а другое имеется у нас в наличности в очень маленьких размерах, и на увеличение его мы должны всячески напирать.

Первое — то, что, предоставляя мелкому земледельцу, производителю товаров, известную степень свободы, мы никогда не говорили и никогда не скажем о том, что мы предоставляем ему полную свободу мелкого товаропроизводителя . . .

. . . . . .

. . . Первое из этих ограничений свободы мелкого товаропроизводителя есть национализация земли.

Мы произвели Октябрьскую революцию, и крестьянин поддержал ее для того, чтобы национализировать землю. Это — ограничение свободы товаропроизводителя, а вместе

с тем, это — самая большая гарантия против восстановления капиталистических отношений.

А монополия внешней торговли, разве это не ограничение? Да, ограничение. Однако, это — ограничение, необходимое в целях социалистического регулирования всего хозяйства. Оно предохраняет крестьянство от закабаления иностранным посредником, иностранным капиталом.

Я спрашиваю себя, что же — рабочий класс и крестьянство будут защищать национализацию земли и монополию внешней торговли, несмотря на то (или именно потому), что это есть ограничение свободы мелкого товаропроизводителя, правда — такое ограничение, которое направляет весь процесс крестьянского хозяйства по пути к социализму, не давая возможности восстановиться капиталистическим порядкам?

А разве политика регулирования цен, разве то, что у нас весь кредит является не частным кредитом, которым распоряжается капиталист ради своей выгоды, а государство, т.-е. кредитом, который регулируется властью рабочих и крестьян и направляется не для того, чтобы получать доходы, а для того, чтобы поднимать хозяйство всей страны, и в частности хозяйство крестьян, — разве это не есть ограничение? Разве, наконец, сама система Советской власти, это воплощение руководства пролетариата крестьянством для того, чтобы об'единенными силами осуществить социализм против капитала, разве это не есть ограничение?

Эти ограничения являются важнейшими завоеваниями Октябрьской революции, основами Союза и вместе с тем правильными социалистическими барьерами, стальными стенами, которые поставлены вокруг элементов нашего социалистического хозяйства для того, чтобы охранить их от размыва и напора мелкобуржуазной и буржуазной стихии.

Защита этих ограничений, как их называют, на самом деле есть защита социалистических элементов нашего хозяйства против капиталистических. Покуда эти преграды есть, до тех пор капиталистические тенденции буржуазных верхушек деревни нам не страшны. Надо только уметь маневрировать, надо знать, как, опираясь на стальные твердыни, использовать все группы, все прослойки для развития товарооборота, для улучшения хозяйства, для поднятия его,

веря, что мы стоим твердо и идем по верной дороге, покуда у нас есть основные командные высоты.

Второе — то, что у нас есть в зачатке, что еще необходимо развивать, это — кооперация. Если правда, что этими мероприятиями могут воспользоваться буржуазные верхушки, что они дают в некоторых своих пунктах элементы отступления, за которые может зацепиться кулачок, чтобы вырасти в капиталистического предпринимателя на государственной земле (есть, ведь, такой тип, и этот тип капиталистический) — то против этого есть форпост, есть крепость, это — кооперация.

Не даром гениальное предвидение Владимира Ильича заставило его посвятить последние свои статьи вопросу кооперации . . .

. . . . . .

. . . Вот если мы, несколько развязывая возможность для верхушки деревни использовать развитие крестьянского хозяйства в своих групповых классовых целях, одновременно будем, по словам Ильича, строить в деревне такие организации и так вести свою политику, чтобы каждый крестьянин-бедняк и середняк активно, реально, через кооперацию, через государственный кредит принимали участие в деле построения социализма, тогда никакие элементы новых капиталистических завязей нам не будут страшны. Кооперация поэтому нам важна, прежде всего, как способ регулирования и накопления. Да, мы говорим, — нельзя поднять крестьянское хозяйство, не облегчив крестьянину возможности накопления.

Весь вопрос не в том, что крестьянство будет накоплять. Без этого невозможно улучшение положения деревни. Вопрос в том, — куда пойдут эти накопления, пойдут ли они на колесо частного капитала, увеличивая его средства и его роль в общей экономике нашей страны, или же эти накопления крестьянства через кооперацию будут направлены на тот капитал, который находится в руках пролетариата и крестьянства, в руках Советской власти, и увеличат собою капиталы пролетарской революции.

Этот вопрос должен быть решен. Он решается мелкой будничной работой, «уменьем торговать», как говорил Владимир Ильич, уменьем хозяйствовать, уменьем быть куль-

турным торгашом, уменьем вести кооперацию в деревне, уменьем привлекать в нее крестьян и крестьянские паи.

Эта задача отдельно не может быть решена. Накопление, которое будет происходить в нашей стране, по мере оживления ее оборотов, при помощи кооперации, государственного кредита и всей системы государственной Советской власти, должно быть направлено не на колесо частного капитала, а на колесо государственного капитала, находящегося в руках пролетариата и крестьянства, в руках Советской власти.

Это — первая задача. И мы без кооперации выполнить ее не можем. Перед нами 20 милл. разрозненных хозяйств.

Как их учесть, как их проконтролировать, как их связать? Это — такой песок, в котором, на первый взгляд, может потонуть стальная крепость нашей пролетарской диктатуры. Как провести учет, контроль, надзор, регулирование этого мелкого хозяйства? Как его связать с общим делом советского строительства? Только через кооперацию, т.-е. массовую, а в дальнейшем и поголовную, форму, об'единения мелких крестьян, которые в этой форме сами вольются в общее социалистическое строительство. Это облегчает нам учет, контроль и регулирование всего этого мелкого хозяйства . . .

(«Крестьянский сборник», стр. 132—134, 135, 136—8, 140—1. Изд. «Прибой». 1925 г.).

Из доклада на пленуме МК 4 сентября 1925 г.

(Середняк является «центральной» фигурой нашего хозяйства).

Кооперация в советской стране, несомненно, представляет тот столбовой путь, идя по которому, крестьянство только и может приобщиться к социалистическому общегосударственному хозяйству. Но это абсолютно правильное положение отнюдь не избавляет нас от анализа той роли, которую в данный момент, в данных условиях, при данной своей практике играет кооперация. Кому она больше помогает? И тут нельзя отрицать того факта, и было бы полити-

кой страуса отрицать, что кооперация так, как она поставлена сейчас, неизбежно, стихийно втянутая в товарный оборот, пока еще больше помогает более сильным слоям.

Возьмем вопрос о кредитовании в сельском хозяйстве. Мы кредит строим на началах хозяйственного расчета, т.-е. всякий руководитель кредитного учреждения, прежде всего всякого желающего получить кредит спрашивает: а как насчет возраста? Твоя кредитоспособность? Отсюда вопрос: научились ли мы и кооперацию и кредитную систему делать орудием поднятия и организации середняка и бедняка? Тут тоже не надо предаваться излишним иллюзиям. Надо прямо сказать: научимся, но еще далеко не научились. Сделать кооперацию и кредит орудием поднятия бедняцких и середняцких элементов крестьянства и не сделать их орудием сплочения, материального укрепления кулацкой верхушки — этому мы еще не научились, этому мы будем учиться и учиться долго, памятуя слова Ленина о том, что середняк является «центральной фигурой» нашего хозяйства. Эти слова еще на большой период будут определять нашу партийную политику.

Конечно, если стоять на точке зрения, которую недавно повторил в «Правде» т. Троцкий: «Социализм это учет. При НЭП'е только формы учета иные, чем те, которые мы пытались применять при военном коммунизме», тогда, конечно, можно всей суммы этих вопросов и не заметить. Но на этой точке зрения мы не стоим, мы знаем, что НЭП не только «иные формы учета», а НЭП такая экономическая политика, при которой происходит состязание капиталистических и наших социалистических методов хозяйствования. Мы, конечно, очень усилились. Те цифры, которые я перед вами раскрывал, та картина, которую я вам представил, показывают, что наши социалистические командные высоты, неимоверно, неожиданно быстро развиваются и укрепляются. Но тут возникает вопрос, который есть политический и социальный вопрос момента: из того факта, что мы в сильнейшей степени усилились и готовимся усилить в ближайший год наши социалистические позиции в еще большем размере, можно ли сказать, что снят ленинский вопрос «кто кого», что борьба за «центральную фигуру» — за середняка, борьба, которая лежит в основе нашей партийной политики,

уже закончена? Нет, конечно, ленинский вопрос еще не снят, борьба лишь перенесена на новые рельсы.

(«Наши достижения, трудности и перспективы», стр. 27—28. Изд. «Моск Рабочий». 1925 г.).

Из доклада на общегородском собрании актива Московской организации РКП (б) 16 октября 1925 г.

...Вы знаете, что уже на XIV партконференции, которая абсолютно правильно сформулировала нашу задачу в развитии производительных сил деревни, что уже там наметился некоторый уклон, который там же, на конференции, получил совершенно решительный отпор. Этот уклон был представлен на конференции тов. Лариным, схема которого сводилась к тому, что раз мы идем к разворачиванию товарооборота в деревне, раз мы делаем те уступки, которые мы сделали на партконференции и на III С'езде Советов и которые были абсолютно необходимы, во-первых, и сделаны были абсолютно в меру, во-вторых, то тем самым должны разворачиваться капиталистические отношения в деревне. До сих пор он был прав. Да, уступки в деле аренды, уступки в деле применения наемной силы, ставка на дальнейшее разворачивание товарооборота в деревне, конечно, как и отметила XIV партконференция, должны, по крайней мере на первых порах, породить рост дифференциации деревни, создать условия, при которых выделение кулацкой верхушки будет происходить более интенсивно, чем тогда, когда этот товарооборот был зажат у нас, когда над наймом рабочей силы в крестьянском хозяйстве стоял целый ряд ограничений и т. д. Но тов. Ларин шел дальше. Он рассуждал таким образом: если эта дифференциация будет дальше происходить, то, значит, народится в деревне новая буржуазия, свергнуть которую нам придется новой революцией. Новая вторая революция, как результат проведения НЭП'а в деревне, — вот что рисовалось тов. Ларину.

Конечно, эта теория абсолютно противоречит и нашей политике и нашему пониманию НЭП'а и тем путям, которые указывал нам тов. Ленин. Мы всегда понимали так, что нэп

есть неизбежный путь к социализму. НЭП—не прямая лобовая атака на остатки капитализма, а путь обходный, маневр, который делает пролетариат для того, чтобы захватить и прихватить к себе основную толщу крестьянства, крестьянского середняка. Этого мы никогда не забывали, и тут, с этой трибуны, Владимир Ильич рассказывал нам о НЭП'е, как о маневре необходимом, но вместе с тем о таком маневре, который ведет нас к социализму, а не к чему-нибудь другому. Тов. Ларину это представляется иначе. Ему кажется, что из НЭП'а будут расти такие формы капитализма, ниспровергнуть, сломать, задушить которые можно будет только новой, второй пролетарской революцией. Корни этого взгляда тов. Ларина, конечно, коренятся в давно известных и отвергнутых партией взглядах насчет того, что столкновения рабочего класса и крестьянства неизбежны. Вы знаете эти теории, знаете, что партия употребила много энергии, чтобы выяснить неправильность этих теорий. Нельзя не признать, что корни ларинского представления о неизбежности второй революции, в которой пролетариат столкнется с новой деревенской буржуазией, и что другого пути к социализму нет, как только через то, что мы эту баррикаду кулачества ниспровергнем новой гражданской войной, — нельзя не признать, что корни этого взгляда коренятся в том представлении, что пролетариат и крестьянство неизбежно столкнутся, как два противоположные класса. Это — старое представление вульгаризаторов марксизма, которое обозначает фактически пессимизм и неверие в дело социалистического строительства. Эта теория Ларина бьет таким образом в лицо и тому, что нам говорил Ленин о НЭП'е, и тому, что усвоила партия относительно неизбежности и возможности вовлечения основной массы крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию, и тому, что говорил тов. Ленин о середняке, как о центральной фигуре нашей деревни и, наконец, тому, что говорил нам тов. Ленин о переходе при диктатуре пролетариата от лозунга гражданской войны к лозунгу гражданского мира. Тов. Ленин в 1921 г. писал: «кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданского мира, тот смешон, если не хуже». Это, конечно, абсолютно правильная мысль. Когда

мы с вами были угнетены буржуазной властью и хотели ее ниспровергнуть, мы стояли за гражданскую войну. Когда пролетариат стал у власти, он против того, чтобы кто-нибудь шел на него гражданской войной, он против гражданской войны и за гражданский мир. Тов. Ленин писал тогда: «Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепенному, осторожному, обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства». В этом и заключается НЭП. Все это, конечно, не значит, что мы пришли к уничтожению классов, что у нас нет классов и нет классовой борьбы. Она есть, она способна даже временами усиливаться и обостряться — в частности в деревне. Не видеть этого, не считаться с этим недопустимо. Но она протекает в новых формах, отнюдь не в формах гражданской войны.

Ясное дело, что взгляд тов. Ларина, упускающий возможность через кооперацию подобрать и подтянуть к социализму основную середняцкую массу, бьет в лицо этим положениям Ильича. Таков был этот первый уклон, который проявился уже на партконференции и который там же встретил отпор. Тов. Ларину было сказано, что он упускает роль середняка и возможности для середняка под руководством пролетариата расти к социализму, а не к капитализму. Этого он и не оценил, а ведь, если бы было доказано, что середняк неизбежно и при диктатуре пролетариата врастет всей своей массой в капитализм, тогда, конечно, наша политика НЭП'а была бы неверна. НЭП был создан для середняка, и теория ленинской кооперации рассчитана именно на то, что, имея в своих руках промышленность, железные дороги, кредитную систему, и главное, государственную власть, мы можем захватить середняка своими щупальцами и вовлечь его в социализм, мешая ему расти к капитализму. Если кто-нибудь не верит в эту теорию, он должен пересмотреть всю нашу политику. Кто не верит в это, тот должен поверить тем, которые говорят: «Вы на словах как будто бы строите социализм, а построите вы совсем другое, построите вы богатую мелкобуржуазную крестьянскую страну». Вот к чему это может привести, если бы партия хотя бы на минутку поверила в правильность ларинских построений и взяла тот курс, который советовал ей Ларин. Это значило бы поста-

вить партию на путь катастроф. Это совершенно опрокидывало бы всю нашу сейчас ведущуюся политику в деревне.

Но это не единственный уклон. Уже после партконференции в партийной печати мы заметили ряд высказываний, которые были прямо противоположны уклону ларинскому. Чтобы взять только тот пример, который был приведен на пленуме ЦК, я процитирую только одного товарища, взявшего очень рельефно и очень ясно противопожный Ларину уклон, но столь же вредный, столь же неправильный. Тов. Богушевский в журнале «Большевик» в № 9/10, стр. 63—64, от 1 июня — после конференции писал так: «Кулак — это — жупел, это — призрак старого мира. Во всяком случае, это — не общественный слой, даже не группа, даже не кучка. Это — вымирающие уже единицы . . . только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно об'яснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака».

Вот эта небольшая цитата при внимательном к ней отношении может вскрыть уклон, который может завести нашу партию, если бы это не встретило решительного отпора, на очень скверные рельсы . . .

. . . . . .

. . . Что же говорит та резолюция, которая охарактеризовала эти два уклона? Я прочту центральные места резолюции, принятой пленумом ЦК о работе в деревне по докладу тов. Молотова. Резолюция напечатана. Вы все ее, конечно, прочтете полностью. Я же прочту только те места, которые сейчас, в связи с моим рассказом, представляют интерес: « . . . и в области сельско-хозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма, (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций». Я прошу товарищей вслушаться в эту резолюцию, единогласную резолюцию ЦК. Это очень не похоже на то, что говорит тов. Богушевский. ЦК трезво и смело конста-

тирует: да, в деревне при нынешних условиях будут развиваться неизбежно и элементы социализма и элементы капитализма, и в самой кооперации даже, прибавляет ЦК, которая есть столбовая дорога для основной массы крестьянства к социализму, и в ней неизбежно должны наблюдаться такие же противоречивые тенденции. Это звучит иначе, чем говорит Богушевский. ЦК говорит: будет борьба, и если мы хотим строить социализм, а мы этого хотим, то необходимо обратить внимание на капиталистические ростки, которые есть в деревне, не надо становиться на точку зрения, что этого нет, и что все пойдет гладко, что кулак будет работать на социализм. Ростки капитализма есть и будут расти, с ними надо бороться, но, конечно, не по-ларински. Нужно ли об'явление гражданской войны? Нужно ли введение комбедов? Нужно ли начать военный поход против этих ростков? Ничего подобного, мы слишком сильны сейчас, чтобы применять такие методы. У нас есть наша кооперативная политика, наша кредитная политика, наша налоговая политика, наша избирательная политика, и этими всеми методами мы можем эту опасность, эту нарастающую деревенскую буржуазию ограничивать в известных пределах. Это не значит, что мы должны ее сейчас с корнем выкорчевать. Если мы допускаем свободу торговли хлебом и всеми остальными продуктами сельского хозяйства, если мы стоим за развитие товарооборота в стране, если мы понимаем, что для развития товарооборота нужно, чтобы деревня стала на более высокий уровень, больше производила и больше продавала, тогда неизбежно будет вырастать на верхушке кулак, который будет сливочки класть себе в карман. Воевать против этого по-ларински об'явлением гражданской войны, пророчествами о новой революции, новыми комбедами — неумно. Нас к этому никто и ничто не принуждает. А если нас схватят за горло вооруженной интервенцией? Не знаю. Но сейчас действовать по этому методу было бы просто уж очень — как бы сказать повежливее — неразумно, что ли! . .

. . . . . .

. . . ЦК предупреждает партию, что в ближайшее время на основе роста товарного оборота, который нам необходим для строения социалистических крепостей, на основе хорошего урожая, неизбежно для ближайшего времени уси-

ление процесса дифференциации крестьянства, выделение, с одной стороны, кулака, с другой стороны, бедняка, а следовательно, и обострение классовой борьбы в деревне. Вот если бы мы перед этим процессом были бессильны, если бы мы не знали, как основную массу середняка и бедняка на свою сторону привлечь, то это звучало бы очень скверно. Но мы не вчера родились на свет как пролетарская власть и не малые дела переделали, и мы знаем хорошо, что имеем средства для того, чтобы избежать тех последствий, которые могли бы от этого получить. У нас есть средства, которыми можно и должно и середняка и бедняка притянуть к себе.

У нас есть совершенно реальные методы усиления союза рабочих и крестьян, союза рабочих и беднейших крестьян с середняками. Мы это делали, начиная с 1921 г., и мы продолжаем эту работу, усиливая этот союз, завоевывая середняка на нашу сторону, и делаем это недурно. Разве наша деревня сейчас похожа на деревню 1921—22 года? Разве то, что имело место тогда, имеет не только место, но хотя бы основание вспыхнуть у нас сейчас? Нет, конечно. Наша партия и Советская власть в деревне, в бедняцких и середняцких слоях несомненно укрепилась. Мы знаем, как завоевать на свою сторону середняка, как через союз с бедняком привлечь к себе середняцкий элемент и вырвать его из-под власти кулака. Но надо ясно видеть окружающую обстановку и не закрывать глаза на неприятные факты. Надо ясно видеть стратегическую обстановку и твердо вести свою линию. В чем она заключается? Резолюция ЦК говорит: укрепляйте связь партии с бедняком. Резолюция в практической части своей говорит: «В дальнейшей работе Советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом к совместному с середняками отстаиванию практических мероприятий в работе Советов, кооперации, крестпомов и к совместному с середняками выдвижению кандидатов при перевыборах»...

. . . . . .

...Нас интересует вопрос, куда растет зажиточный крестьянин? В деревне происходят два процесса. Один процесс был недавно очень живо описан А. И. Рыковым. Он рассказал, как из покупки трактора развиваются неизбежно формы коллективного хозяйства. Крестьяне сложились, образовали маленький кооператив, купили трактор. Сначала каждый работал на своей полоске. Потом увидели, что это не выгодно.

Начали поле запахивать под-ряд вместе те, которые об'единились в кооператив для закупки трактора. Потом приходит мысль, что раз вместе вспахали, и урожай можно вместе собрать. Раз вместе собрали, можно вместе продать. Одним словом, из кооперативной закупки трактора зарождаются и развиваются подлинно коллективные формы хозяйства, т.-е. то, что нам надо, что мы поддерживаем, т.-е. кооперация, которая эту крестьянскую массу приведет к социализму, свяжет с рабочим хозяйством, с рабочим пролетарским государством. Но есть и другой процесс в деревне. Другой процесс заключается в том, что при капиталистических отношениях, если у человека сегодня имеется маленький излишек, и он на этом излишке кое-что заработал, на эти заработанные им деньги купил, скажем, ту или другую машину или лошадь, потом дал соседу на имеющийся у него лошади попахать, на этом опять заработал и так понемножечку, накапливая индивидуально, поднимая свое хозяйство, этим путем он переходит постепенно от середняка к зажиточному, от зажиточного к кулачку. Вот два процесса. Один процесс в сторону социализма, т.-е. наша дорога, по которой мы хотим вести крестьянство, та дорога, по которой крестьянство в основной своей массе, середняцкой и бедняцкой, пойдет. А рядом другая, стихийная форма, которая соответствует капиталистическим отношениям. Сегодня небольшой избыток, завтра ловко обернул этот избыток, потом чуть больше, перешел к найму батрака, потом двух, потом — он кулак. Можем ли мы охватить этот процесс? И как это сделать? В этом основном пункте политика не только сегодняшнего дня, но, конечно, он останется основным на ряд лет. Можем ли мы и что должны мы сделать для того, чтобы из этого середняка не росла новая буржуазия, а, чтобы он сам рос в массе своей к социализму? Что для

этого нужно сделать? Надо охватить хозяйство этого середняка и этого растущего от середняка к зажиточному крестьянину, охватить его нашей пролетарской промышленностью, охватить кооперацией, охватить электрификацией, охватить нашим государственным кредитом, охватить системой нашей внешней торговли и повернуть его рост с капиталистических рельс индивидуального накопления на социалистические рельсы общего массового под'ема. Можем ли мы это сделать? Можем. Справимся ли мы с этим? Справимся. Основной путь к этому, это — кооперация, это — электрификация, т.-е. развитие крупной машинной индустрии. Задача заключается именно в том, чтобы «центральную фигуру» нашей деревни захватить во время ее под'ема, и этот под'ем направить через кооперацию, через все наши рычаги по социалистическому руслу. Это — не такая легкая задача. Я не говорю, что ее можно разрешить в год. Ильич говорил, что годы нужны на то, чтобы переработать эти индивидуальные отдельные крестьянские хозяйства в общую социалистическую систему. Долго будем работать над этим, но будем работать и несомненно добьемся успеха. Почему? Потому, что мы имеем сильные рычаги . . .

. . . . . .

. . . Теперь относительно попытки тов. Богушевского подменить меня тов. Лариным. Если бы это было где-нибудь в очень глухом углу, то там, может быть, тов. Богушевскому удалась бы его попытка, но здесь сказать, что я недооцениваю середняка, что я не понимаю необходимости для рабочего класса учинить крепкий союз с середняком, — это не выйдет тов. Богушевский. И знаете почему? Потому, что с 1921 г., с момента НЭП'а, вероятно, никому другому в Московской организации не приходилось так часто, на самых разнообразных собраниях, беспартийных и партийных, рабочих и крестьян, районных и центральных, при Ильиче, при председательствовании Ильича и после него, об'яснять и раз'яснять смысл НЭП'а, как мне. Так что попытаться намекнуть на то, что я недооценил середняка, не понял значение союза с середняком, — это уже очень смешно. Серьезнее вопрос тов. Богушевского о том, что я будто бы не подчеркнул всей новизны той линии, которая заключается в решении пленума. Нет, я сказал, что решения пленума

могут показаться неожиданно новыми тов. Богушевскому. Об этом я предупредил собрание. Почему? Ясно почему. Если кто-либо понимает ставку на развитие производительных сил в деревне так, что оно идет, поднимая все крестьянство, не разделяя его, не расслояя его, не выделяя кулака, тогда такому товарищу, конечно, может показаться, что надо выбирать — *или* развитие производительных сил *или* помощь беднякам. Но XIV партконференция так не рассуждала и так рассуждать не могла.

Уже XIII с'езд сказал так: «В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства особенно важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации», а XIV партийная конференция сказала: «Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. На-ряду с укреплением социалистических элементов хозяйства происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и связанное с этим частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства как в городе, так и в деревне». И дальше: «Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов, — с другой».

Это сказала XIV партконференция (а не Ларин, тов. Богушевский!) Что же вы думаете, что коммунистическая партия, которая сказала, что она стоит перед фактом роста и увеличения новой крестьянской буржуазии и пролетаризации бедняцких элементов, что же вы думаете, что коммунистическая партия, уткнувшись, как представляет себе тов. Богушевский, в идею развития производительных сил, оставит эти пролетаризированные бедняцкие элементы без помощи и не попытается связать себя с этими бедняцкими элементами, забудет бедняков? Это — странное, очень странное представление о нашей партии. Только в головах плохих коммунистов можно противопоставить ставку на развитие производительных сил и помощь середнякам и беднякам

против кулаков. Только плохо читавший резолюции XIV партконференции или облюбовавший из всей нашей политики в деревне только то, что мы сделали уступку, т.-е. дали аренду, расширили право найма, и больше ничего в ней не заметивший, только тот может недоуменно разводить руками перед резолюцией ЦК. Партия, которая в резолюциях XIV партконференции видела не только уступку известным буржуазным слоям деревни в виде развития права на наемный труд и аренду, которая понимала, что это необходимая и правильная уступка должна сочетаться с усилением нашего коммунистического фронта путем привлечения к нам бедняков и середняков, партия такого истолкования своей линии, конечно, не допустит. Затем нельзя же, вообще, вести историю партии только от XIV партконференции. Нельзя же отрицать, что Ильич, введя НЭП, в 1922 году писал то, что я вам прочитал: «В виду важности под'ема сельского хозяйства и увеличения его продукции (т.-е. в виду важности развития производительных сил в деревне — **Л. К.**), в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена, главным образом, на ограничение его эксплоататорских стремлений. Как ограничить эти стремления, как может и должно наше государство защищать бедняков, — в этом вся суть». Так надо же быть Иваном, не помнящим родства, чтобы после того, как я прочел эту цитату из Ильича, который сказал это в 1922 г. (а мы теперь в 1925 г. практически осуществляем эту директиву созданием специальных фондов для бедняцких хозяйств, приспособляем кооперацию к тому, чтобы она зовлекла в себя бедняцкие хозяйства, путем того, что государство будет помогать бедняку вносить паи и т. д.), чтобы после этого не видеть, что это и есть столбовая дорога нашей политики в деревне.

Сказать же так, что только теперь, в 1925 году, наша партия додумалась до того, что мы должны помогать беднякам и сплачивать вокруг своей партии бедняков и середняков против кулаков, сказать, что мы только в 1925 г. додумались до этого, это значит опять-таки обнаружить очень. очень странное представление о нашей партии и ее политике. Партия знала это, когда вводила НЭП, в 1922 г. Ильич писал об этом, на XIII с'езде это указано, на XIV конференции

подтверждено, и на III Всесоюзном С'езде Советов в моем докладе о крестьянстве специально подчеркнуто, что «сельско-хозяйственная кооперация должна сосредоточить все свое внимание на своей основной задаче действительного об'единения многомиллионных масс крестьян, в особенности середняков и бедняков», что специально «кооперативным об'единениям середняцких и бедняцких слоев крестьянства должна быть оказана материальная поддержка и помощь Советской власти». После всего этого линия на укрепление нашей партии в бедняцких и середняцких слоях может показаться неожиданной только тому, кто не понял нашей основной линии, линии партии в НЭП'е, тому, кто не понял отрицательных сторон НЭП'а.

(«На очереди». Изд. Гиз. 1925 г., стр. 5 — 8, 12 — 13, 14 — 15, 19 — 21, 40—43).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От издательства 3
Из речи тов. Ленина на VIII с,езде РКП 5

Г. Зиновьев:

Из речи на XIII с'езде РКП в мае 1924 г. 11
Из речи на с'езде Рабкоров „Правды" 5 декабря 1924 г. . . . 13
Из статьи „Пролетариат и Крестьянство" 14
Из речи на Ленингр. Губпартконферерции 26 января 1925 г. . 16
Из речи на Соединенном заседании Красноармейских конференций в Ленинграде 12 апреля 1925 г. 18
Из докада читанного на фракции РКП 3-го с'езда Советов Союза СССР 20 мая 1925 г. 19
Из речи на конференции частей Ленинградского Военного Округа 21 июня 1925 г. 21
Из книги „Ленинизм" 25

Л. Каменев:

Некоторые заявления о крестьянстве. (Из речей и докладов до XIV партконференции) 33
Из доклада Правительства Всеукраинскому С'езду Советов 4 мая 1925 г. 43
Из доклада на III Всесоюзном С'езде Советов 18 мая 1925 г. . 44
Из доклада на пленуме МК 4 сентября 1925 г. 49
Из доклада на общегородском собрании актива Московской организации РКП (б) 16 октября 1925 г. 51

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ".

ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Телефон 586-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: Пр. 25 Октября, 52. Тел. 217-79 и 545-77.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Москва, Лубянский пассаж, пом. 46—43. Тел. 2-24-09.

В помощь ленинской учебе.

АГИТПРОПОТДЕЛ СЕВ.-ЗАП. БЮРО ЦК и ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБКОМА РКП (б).

Кружок самообразования.

Пособие для кружков политического самообразования первой ступени, с методическими указаниями и диаграммами.

От редакции. Организационные основы большевизма. Тактика большевиков и меньшевиков в первой русской революции 1905 г. Партия в годы реакции и в годы под'ема. Партия в годы войны. Партия в период от Февраля к Октябрю. Октябрьская революция. Новая экономическая политика. Третий Коммунистический Интернационал. Приложение I (Диаграммы). Приложение 2 (Примечания).

Второе издание (31—60-ая тысяча).

Стр. 384. Цена 1 р. 25 к.

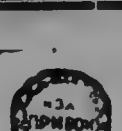
Кружок ленинизма.

Хрестоматийное пособие для марксистско-ленинских кружков первой ступени.

Содержание: Тема первая. — Неизбежный крах капитализма. Тема вторая. — Диктатура пролетариата. Тема третья. — Крестьянский вопрос. Тема четвертая. — Учение Ленина о партии. Тема пятая. — Коммунистический Интернационал. Дополнительная тема. — Диалектический материализм.

Второе издание (31—60-ая тысяча).

Стр. 322. Цена 1 р. 10 к.



Рабочее Изд-ство „ПРИБОЙ".

ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Тел. 689-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: Пр. 25 Октября, 52. Тел. 217-79 и 545-77.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Москва, Лубянский пассаж, пом. 46—49. Тел. 2-24-09.

Г. САФАРОВ.

ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА.

4-е заново переработанное издание.

СОДЕРЖАНИЕ: I. — Два пути развития. II. — Взгляды К. Маркса и Фр. Энгельса на революцию III. — Формы борьбы и организация рабочего класса в эпоху Второго Интернационала. IV — Большевизм в борьбе за пролетарскую гегемонию в революции V. — „Война войне!". VI. — Государство и революция VII. — Борьба между империализмом и пролетариатом за крестьянство и угнетенные нации. VIII. — Хозяйство и революция. IX. — Коммунистическая партия при диктатуре пролетариата. X. — Этапы борьбы Коммунистического Интернационала.

Стр. 482. Цена в переплете 2 р. 50 к. Цена 2 руб.

В помощь ленинской учебе.

Агитпропотдел Сев.-Зап. Бюро ЦК и Ленингр. Губкома РКП (б).

ПОЛИТШКОЛА КОМСОМОЛЬЦА.

Руководство для комсомольских политшкол первой ступени и самообразования.

Рекомендовано, как учебн. пособие, агитотд. ЛК РЛКСМ.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Как пользоваться руководством. Занятие I.—Ленинский комсомол Занятие II. — Ленинский комсомол (продолжение). Занятие III. — От кружка Молодежи — к Ленинскому комсомолу Занятие IV. — Коммунистический Интернационал молодежи. Занятие V. — Рабочий — хозяин промышленности СССР. Занятие VI. — Советы. Занятие VII. — Профсоюзы. Занятие VIII. — Смычка социалистической промышленности с крестьянским хозяйством. Занятие IX. — НЭП. Занятие X — Кооперация. Занятие XI. — Рабкор в деревне. Занятие XII — У истоков партии. Занятие XIII. — 1905 год Занятие XIV. — 1905 г (продолжение). Занятие XV — Империалистическая война и 1917-год Занятие XVI. — 1917 г (продолжение). Занятие XVII. — Единство партии при НЭПе Занятие XVIII. — Единство партии. Занятие XIX. — Коминтерн. Занятие XX. — Национальный вопрос. Занятие XXI. — (Повторительное). Краткий словарь общеупотребительных иностранных слов.

Издание 2-е (51—100-я тысяча).

Стр. 331. Цена 1 руб.

Библиотека
Института Ленина
при [illegible]

75к.

Цена 20 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ" Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09